

Мои воспоминанія и размышленія.

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

II.

Въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ.

(1839—1845 г.г.).

Плохіе успѣхи мои въ грамматикѣ и въ ариѳметикѣ побудили отца поскорѣе отдать меня вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ въ Московскій дворянскій институтъ, гдѣ года три учился старшій нашъ братъ Василій, бывшій тогда уже въ IV классѣ. Директоръ Краузе не безъ труда согласился принять меня, такъ какъ мнѣ только-что минуло 9 лѣтъ, а въ I классѣ института принимались 10 и 12-лѣтніе мальчики. Отецъ мой обезоружилъ его, сославшись на то, что судя по домашнему моему ученію я малоспособенъ, и мнѣ придется не разъ сидѣть по 2 года въ одномъ и томъ же классѣ, и что такъ какъ я до сихъ поръ шелъ вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ, то и нежелательно было бы разлучать насъ при отдачѣ насъ въ школу. Доводы эти подѣйствовали на директора, и насъ, какъ теперь помню, послѣ молебна у насъ на дому отецъ отвезъ въ институтъ 9-го сентября 1839 г., завезя по дорогѣ въ часовню Иверской Божьей Матери приложиться къ чудотворной иконѣ. Это было какъ разъ въ субботу, и день этотъ былъ выбранъ нарочно, чтобы на первый разъ намъ только одни сутки провести внѣ родительскаго дома. И этотъ одинъ день показался намъ цѣлою вѣчностью, хотя большую часть рекреа-

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

ціоннаго времени былъ съ нами старшій нашъ братъ, разъяснившій намъ уже давно всѣ институтскіе порядки и теперь руководившій нашими первыми шагами. Въ особенности жутко было вечеромъ, когда насъ привели ложиться спать въ нескончаемый рядъ дортуаровъ, шедшихъ въ одну линію и соединенныхъ или, лучше сказать, раздѣленныхъ между собою только арками. Тутъ наши кровати, моя и брата Дмитрія, были помѣщены рядомъ, но старшій братъ былъ далеко отъ насъ, какъ принадлежавшій къ старшему отдѣленію (IV, V и VI классы) воспитанниковъ, которое имѣло и свой особый залъ для рекреаций, и свои дортуары въ противоположномъ концѣ зданія. Я крѣпился, но братъ Дмитрій залился слезами и долго не могъ заснуть, вспоминая, какъ насъ обыкновенно укладывала дома мама, напередъ помолясь съ нами Богу.

Первое впечатлѣніе отъ института не могу сказать, чтобы было благопріятное: этотъ непривычный шумъ дѣтской толпы въ промежуткахъ между уроками и въ рекреаціонное время, эти непрерывные звонки, которыми начинались и заканчивались уроки, эти приставанія къ намъ новичкамъ товарищей по классу, — все это ошеломляло и сильно надоѣдало на первыхъ порахъ.

Особенно приставалъ ко мнѣ въ одну изъ переменъ ученикъ Текутьевъ помѣриться длиною нашихъ рукъ. Онъ вытянулъ свою руку, а я, ничего не подозревая, свою, и такъ какъ его рука оказалась ближе къ моему лицу, то онъ ударилъ меня по щекѣ. Меня эта неожиданность и удивила, и огорчила, и взорвала, и я тутъ же напалъ на него съ величайшимъ ожесточеніемъ и пустилъ въ ходъ свои кулаки. Я оказался сильнѣе, и Текутьевъ обратился въ бѣгство, я за нимъ, и оба мы натолкнулись на надзирателя старшаго класса Monsieur Dislène, который схватилъ насъ за уши и повелъ въ нашъ I классъ; но, узнавъ, что я новичекъ, только-что привезенный изъ дому, тотчасъ же выпустилъ мое ухо, замѣтивъ только, что „хорошъ же новичекъ, не успѣлъ пріѣхать въ институтъ, и уже дерется“. Случай этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій ни для меня, ни, кажется, для Текутьева; но произвелъ не дурное для меня впечатлѣніе на моихъ одноклассниковъ. Приставанья ихъ все-таки еще продолжались, но главнымъ образомъ шли только отъ сосѣдей по скамейкѣ. На каждой скамейкѣ было по 5 учениковъ, и я былъ между Квицинскимъ и Голощаповымъ; послѣдній особенно меня изводилъ и не давалъ мнѣ покоя, мѣшая мнѣ готовить уроки. Прежде всего я возсталъ противъ

Квицинскаго и открыто вступилъ съ нимъ въ кулачный бой, созвавъ товарищей и объяснивъ имъ, за что я съ нимъ дерусь. Побѣда на этотъ разъ оставалась на моей сторонѣ, и я обратилъ его въ своего данника, какъ это водилось тогда въ младшихъ классахъ института, то-есть, обязалъ его въ продолженіе мѣсяца отдавать мнѣ $\frac{1}{4}$ вечерней его булки. Но съ Голощаповымъ я долго не могъ сладить; наконецъ, и съ нимъ расправился тѣмъ же порядкомъ, и его обратилъ также въ своего данника, и строго слѣдилъ, чтобъ они были исправными плательщиками. Данью этою рѣдко кто пользовался самъ; обыкновенно она шла въ пользу наказанныхъ безъ булки или безъ послѣднихъ блюдъ за обѣдомъ, ибо тогда еще водились въ нашихъ интернатахъ подобныя наказанія.

Возможность и такихъ приставаній учениковъ другъ къ другу, и такихъ дракъ между ними, и возникавшихъ отсюда данническихъ отношеній, можетъ показаться очень странною съ перваго взгляда, при томъ, что каждый классъ имѣлъ своего надзирателя-нѣмца по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ, и француза въ остальные дни недѣли, кромѣ воскресенья, когда тотъ и другой надзиратель чередовались между собою: только V и VI классы, какъ старшіе и самые малолетные, были подчинены совмѣстному надзору однихъ и тѣхъ же надзирателей: одного француза и одного нѣмца, которые при томъ считались старшими надзирателями, къ которымъ въ затруднительныхъ случаяхъ обращались по дѣламъ своего класса другіе надзиратели и которые были какъ бы помощниками инспектора, пользуясь нѣкоторыми изъ его полномочій. При томъ же и младшіе классы вовсе не были особенно многолюдными. Я не помню, чтобы въ мое время въ какомъ-либо изъ классовъ было болѣе 30 учениковъ: принимались только потомственные дворяне съ платою по 300 рублей серебромъ, и отъ платы освобождались весьма немногіе; этимъ преимуществомъ пользовались мы всѣ трое за службу нашего отца въ должности институтскаго врача. Эти и многія другія слабыя стороны въ дисциплинарномъ и вообще въ воспитательномъ отношеніи объясняются, конечно, болѣе всего тѣмъ, что надзиратели наши были не воспитателями, а только администраторами, безъ всякаго нравственнаго на насъ вліянія, совершенно намъ чуждые по духу, по вѣрѣ, по образованію, по языку, и нерѣдко и по подданству, отъ которыхъ мы всячески сторонились, которые смотрѣли только за тѣмъ, чтобы мы не надѣлали какихъ-либо крупныхъ безпорядковъ, и которые дѣйствовали на насъ глав-

нѣйше баллами за поведеніе и всякаго рода взысканіями. Они были въ большинствѣ, безъ сомнѣнія, люди и очень добрые, и умные, и хорошіе; но они были для насъ люди совсѣмъ посторонніе и смотрѣть могли только за виѣшнимъ порядкомъ, и то не всегда исправно. Отъ того, что одинъ день дежурилъ у насъ въ классѣ нѣмецъ, а другой день французъ, и что мы обязаны были говорить даже между собою каждый день на языкѣ нашего дежурнаго надзирателя, едва-ли была какая-либо польза: для разговоровъ съ ними на ихъ языкахъ у насъ не было ни времени, ни охоты, да и не о чемъ было съ ними говорить, и едва-ли особенная близость кого-либо изъ учениковъ къ кому-либо изъ надзирателей сошла бы этому ученику даромъ отъ его товарищей, по крайней мѣрѣ, въ младшихъ классахъ. Такимъ образомъ, въ рекреационное время надзиратели прогуливались по залѣ и бесѣдовали большею частью только между собою, или же заняты были разбирательствомъ какого-либо казуса между учениками. Если надзиратель бывалъ окруженъ учениками, то навѣрное можно было сказать, что дѣло шло о какой-нибудь недозволенной затѣвѣ и что нужно было отвлечь въ сторону вниманіе француза или нѣмца. Казусы же между учениками чаще всего возникали изъ мѣры, принятой для того, чтобы заставить учениковъ говорить между собою по-французски или по-нѣмецки: съ этою цѣлью съ утра надзиратель вручалъ одному изъ исправнѣйшихъ учениковъ, наилучше владѣвшихъ соотвѣтственнымъ языкомъ, такъ-называемую тавлинку. Эту тавлинку онъ долженъ былъ передать тому ученику, котораго онъ подкараулитъ говорящимъ по-русски, и долженъ былъ тотчасъ же назвать надзирателю того, кому онъ передалъ тавлинку; получившій тавлинку долженъ былъ тѣмъ же порядкомъ сбыть ее третьему лицу и т. д. Кто за недѣлю или до ближайшаго праздника имѣлъ у надзирателя извѣстное число отмѣтокъ за русскій разговоръ, того въ воскресенье или въ праздникъ до тѣхъ поръ не отпускали домой, пока онъ не выучитъ твердо наизусть и не перескажетъ извѣстное число заданныхъ ему стиховъ на языкѣ дежурнаго въ воскресенье или въ праздникъ надзирателя. Число этихъ стиховъ съ каждымъ разомъ шло все crescendo: я доходилъ до 128 стиховъ въ одинъ разъ. Само собою разумѣется, что тавлинку эту никто не бралъ охотно, всякій отъ нея отбивался просто кулаками, и изъ этого происходили серьезныя драки и ссоры. Нѣкоторые изъ учениковъ, особенно не сочувствовавшіе этой мѣрѣ и обладавшіе хорошою памятью или безъ того не рассчитывавшіе

на отпускъ домой, или не пользовавшіеся этими отпусками за неимѣніемъ родныхъ въ Москвѣ, заплучивъ разъ тавлинку,—носили ее у себя въ карманѣ и не думали никому ее сдавать. Надзиратель каждый часъ справлялся, у кого тавлинка, и всякій разъ вновь записывалъ того, кто держалъ ее у себя, не давая ей ходу. Со мною это часто бывало, и мы объясняли надзирателю, что мы не обязаны подслушивать, какъ кто говоритъ изъ товарищей. За такіе отвѣты назначались разныя взысканія: увеличеніе числа стиховъ для заучиванья наизусть, ставленіе на колѣни, надѣваніе шутовского мундира изъ свѣтло-зеленой дерюги съ желтыми нашивками, съ дурацкимъ колпакомъ на головѣ или безъ него, оставленіе безъ обѣда на черномъ хлѣбѣ и водѣ или квасѣ, съ выставкою за чернымъ столомъ въ общей столовой и т. д.

Вся эта возня съ нами не приводила, однако же, ни къ какимъ результатамъ, и къ концу 2-го года моего пребыванія въ институтѣ, тавлинка была отмѣнена, равно какъ и требованіе, чтобы мы во что бы ни стало говорили между собою или по-нѣмецки, или по-французски.

Чтобы покончить съ постановкою въ институтѣ новыхъ иностранныхъ языковъ, скажу, что въ первые годы моего пребыванія въ институтѣ они преподавались параллельно или одновременно въ низшихъ четырехъ классахъ по 3 урока въ недѣлю, то-есть, по 4^{1/2} часа, такъ какъ уроки были полутора-часовые, и также отдѣльно въ высшихъ двухъ классахъ по 2 урока или по 3 часа въ недѣлю, и по французскому или по нѣмецкому языку можно было быть въ III или IV классѣ, а по всѣмъ другимъ предметамъ въ I или II. Такъ, мы съ братомъ по всѣмъ предметамъ были въ I классѣ, а по новымъ иностраннымъ языкамъ были зачислены во II. Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, извѣстный впослѣдствіи академикъ, политико-экономъ, кончившій курсъ впрочемъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ, къ намъ, помнится, поступилъ во II классъ, а по французскому языку былъ въ IV классѣ. Мѣра эта, очевидно, была вызвана большою неравномѣрностью познаній въ новыхъ иностранныхъ языкахъ поступающихъ изъ дому учениковъ и желаніемъ, чтобы преуспѣвшіе въ нихъ дома шли въ нихъ впередъ и по поступленіи въ институтъ; но мѣра эта вела къ большимъ неудобствамъ: приходилось имѣть по каждому изъ этихъ языковъ столько же преподавателей, сколько было классовъ, т.-е., по 6 челов. Но въ то время и въ Москвѣ не было такого обилія хорошихъ преподавателей, особенно же

французскаго языка, чтобы легко было найти по 6 хороших преподавателей на каждый языкъ, и за немногими исключеніями наши надзиратели становились и преподавателями своего языка каждый въ своемъ классѣ. Далеко не всѣ изъ нихъ были хорошими и умѣлыми преподавателями, и я хорошо помню, какъ мы изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы одолѣвать въ IV классѣ у очень строгаго учителя и надзирателя Шпангенберга „Исторію 30-ти лѣтней войны“ Шиллера и какъ мы плохо успѣвали въ этой непосильной для насъ работѣ. Сверхъ того, недостаточно было хорошо говорить и читать по-французски или по-нѣмецки и даже знать грамматику этихъ языковъ, чтобы мальчику лѣтъ 12 и второкласснику читать французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ вмѣстѣ съ 14 и 15-лѣтними юношами IV класса.

Да и въ нравственномъ отношеніи вліяніе старшихъ учениковъ на младшихъ не всегда оказывалось хорошимъ, особенно въ интернатѣ, каковымъ былъ нашъ институтъ, не говоря уже о томъ, что причисленный по одному или по обоимъ новымъ языкамъ къ сравнительно старшему классу очень былъ склоненъ свысока смотрѣть на своихъ одноклассниковъ. Этотъ порядокъ былъ также вскорѣ отмѣненъ, помнится мнѣ, къ концу 3-го года моего пребыванія въ институтѣ, и мнѣ въ IV классѣ пришлось повторять уже пройденный курсъ новыхъ языковъ и такъ же затрудняться чтеніемъ „Исторіи отпаденія Нидерландовъ отъ Испаніи“ Шиллера, какъ я уже затруднялся его „Исторіей 30 лѣтней войны“. Для вящшаго нашего успѣха въ новыхъ иностранныхъ языкахъ нѣкоторые предметы преподавались намъ въ младшихъ классахъ на этихъ языкахъ: естественная исторія по-французски, географія по-нѣмецки. Преподавателемъ естественной исторіи былъ почтенный лекторъ французскаго языка М-г Pascauld (Пако), который былъ членомъ Московскаго общества естествоиспытателей и хорошимъ, говорятъ, знатокомъ естественной исторіи; но для насъ его преподаваніе было совсѣмъ бесплодно, и для насъ такъ и осталось секретомъ, что такое *tissu cellulaire*, о чемъ очень много говорилось на урокахъ, но безъ всякихъ демонстрацій. Географію преподавалъ тотъ же Шпангенбергъ: преподавалъ онъ намъ во II классѣ то, что мы прошли въ I классѣ на русскомъ языкѣ—краткое топографическое описаніе всѣхъ частей свѣта, такъ что по географіи мы не пошли впередъ, въ нѣмецкомъ же языкѣ едва-ли много преуспѣли, развѣ только въ знаніи нѣмецкихъ именъ географическихъ, иначе звуча-

щихъ по-русски, и нѣмецкихъ географическихъ терминовъ. И надзиратели французы и нѣмцы, и принужденіе не говорить по-русски вмѣстѣ съ тавлинкою и съ ученіемъ наизусть массы нерѣдко вовсе непонятныхъ для насъ французскихъ или нѣмецкихъ стиховъ, и преподаваніе на нихъ нѣкоторыхъ предметовъ, — все это не помѣшало намъ очень скоро почти совсѣмъ разучиваться говорить на нихъ, къ большому огорченію нашихъ родителей, но зато до нѣкоторой степени мы успѣвали освоиться съ ихъ грамматикой и нѣсколько привыкнуть къ чтенію французскихъ и нѣмецкихъ текстовъ, что достигалось единственно съ помощью посвященныхъ этимъ языкамъ уроковъ. Очень подвинулись мы въ нихъ впередъ, особенно въ нѣмецкомъ языкѣ, за послѣдніе два года пребыванія моего въ институтѣ въ V и VI классахъ. Этимъ мы были обязаны главнѣйше двумъ учителямъ: Александру Карловичу Зейдлицу по нѣмецкому языку и М. Peulan d'Angers по языку французскому. Послѣдній очень краснорѣчиво читалъ намъ лекціи, конечно, на французскомъ языкѣ по исторіи французской литературы, что было для литературнаго нашего образованія мало полезно, такъ какъ при этомъ онъ знакомилъ лишь съ весьма немногими изъ произведеній французской литературы, о которыхъ онъ намъ говорилъ, а о большей части изъ нихъ мы узнавали только мнѣнія его и другихъ критиковъ и вкратцѣ ихъ содержаніе. Но, онъ былъ большой мастеръ самъ читать и прозаиковъ, и поэтовъ, и особенно драматическія произведенія, и этимъ принесъ намъ большую пользу, ибо требовалъ, чтобы все имъ прочитанное было нами перечитано вновь и не dokonченное dokonчено и чтобы мы затѣмъ вкратцѣ передавали ему устно или и письменно содержаніе этихъ произведеній съ которыми мы такимъ образомъ ознакомились и которыя мы анализировали при его очень умѣломъ руководствѣ. Одно изъ первыхъ произведеній, которое онъ намъ прочелъ и которое произвело на насъ сильное впечатлѣніе—было *Stello ou les consultations du docteur Noir* par Alfred de Vigny, и именно рассказъ изъ временъ террора въ первую французскую революцію. М. Peulan захотѣлъ насъ чтеніемъ французскихъ книгъ, снова развязалъ намъ языкъ для французскаго разговора при своей большой живости и умѣлости и много улучшилъ наше письменное изложеніе на французскомъ языкѣ.

Что касается до А. К. Зейдлица, то несмотря, на его уже довольно почтенный возрастъ, онъ отличался еще несравненно большею живостью, доходившею почти до юркости. Ему было

поручено преподавать намъ въ V и VI классахъ греческія и римскія древности.

Древностей этихъ онъ вовсе почти не зналъ, какъ мы сами очень скоро въ томъ убѣдились, но какъ преподаватель исторіи на русскомъ языкѣ въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, всѣ историческіе и историко-литературные анекдоты

Отъ Ромула до нашихъ дней
Хранилъ онъ въ памяти своей

и очень хорошо и кстати умѣлъ ими пользоваться. Сверхъ того, онъ хорошо зналъ всѣ греческіе и римскіе мѣны, а также какъ и кѣмъ они были обработаны въ литературѣ, особенно въ нѣмецкой. Руководствомъ для насъ служилъ коротенькій учебникъ Гакке (Hакке, Griechische und Römische Alterthümer), который начинается съ географическо-топографическаго обзорѣнія Греціи и Италіи, съ краткими указаніями на совершившіяся въ данныхъ мѣстностяхъ событія, и это-то служило Зейдлицу поводомъ для всякаго рода историческихъ и мѣнологическихъ разспросовъ и разъясненій. Собственно изъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ древностей, слишкомъ кратко и потому мало понятно изложенныхъ у Гакке, Зейдлицъ почти ничего не могъ разъяснить и поручалъ то тому, то другому изъ насъ готовить эти разъясненія къ слѣдующему уроку по болѣе обширному учебнику. Это заставляло насъ работать съ большею самостоятельностью, и работа эта была очень полезна и для возбужденія любознательности, и для расширенія нашихъ познаній, и для упражненія нашего въ нѣмецкомъ языкѣ. Еще болѣе было полезно то, что онъ распредѣлилъ между нами различныхъ греческихъ авторовъ въ нѣмецкомъ переводѣ, чтобы мы прочитывали къ каждому уроку по одной книгѣ (въ древнемъ смыслѣ слова) нашего автора и передавали по-нѣмецки въ началѣ урока содержаніе прочитаннаго. На мою долю достался Геродотъ и потомъ Плутархъ, и я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ читалъ ихъ, что до нѣкоторой степени былъ знакомъ съ ними и въ подлинникѣ, какъ учившійся греческому языку. Моими занятіями Зейдлицъ былъ вообще доволенъ и провозгласилъ во всеуслышаніе всего класса, что изъ меня выйдетъ настоящій ученый: къ сожалѣнію, по разнымъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ я далеко не оправдалъ его ожиданій. Вообще, мы его очень любили, и благодаря его чудачествамъ и живости въ классѣ у

него было всегда весело. Къ экзамену онъ заготовлялъ нѣсколько сотъ билетовъ съ вопросами самаго неожиданнаго содержания. Мнѣ, между прочимъ, попался вопросъ: „Was thut ein Sieger“? (Что дѣлаетъ побѣдитель)? Первымъ моимъ вопросомъ было: какой побѣдитель? А вы какихъ побѣдителей знаете, о тѣхъ и расскажите, что они дѣлали каждый разъ послѣ побѣды, или можете извернуться какимъ-нибудь однимъ краткимъ и удачнымъ афоризмомъ. Я было началъ перебирать различныхъ побѣдителей и рассказалъ, между прочимъ, о Филиппѣ Македонскомъ, какъ онъ началъ плясать послѣ Херонейской побѣды на самомъ полѣ сраженія и какіе тѣмъ навлекъ на себя укоры; вспомнилъ также о Сципіонѣ Африканскомъ Младшемъ, какъ онъ по разореніи Карфагена, въ виду его развалинъ, вспомнилъ стихи Гомера о разрушеніи Трои и затѣмъ измѣнилъ формулу консульской молитвы, прося боговъ не о расширеніи римскаго владычества (*imperiū romanū*), а о его сохраненіи. Зейдлицъ очень похвалилъ эти мои отвѣты, и тогда я спросилъ его, какимъ краткимъ афоризмомъ могъ бы я положить конецъ дальнѣйшимъ моимъ поискамъ. Вы бы могли отвѣтить очень просто, если бы догадались. Что дѣлаетъ побѣдитель? Покоится на лаврахъ. Всѣ присутствующіе разразились смѣхомъ, а я за мои сильныя отвѣты получилъ пятерку. Такъ или иначе, но Московскій дворянскій институтъ достигъ съ нами относительно новыхъ иностранныхъ языковъ вполне удовлетворительныхъ результатовъ: мы по окончаніи въ немъ курса могли легко читать любую нѣмецкую или французскую книгу, лишь изрѣдка справляясь съ словаремъ, и получили охоту къ чтенію французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, а отчасти и греческихъ классиковъ, хотя бы то и въ переводѣ. Большое за это спасибо институту. Это было важное приобрѣтеніе на всю жизнь — *κτῆμα εἰς αἰῶνι* — для тѣхъ, кто дорожилъ умственнымъ трудомъ и возможно большимъ и лучшимъ удовлетвореніемъ умственныхъ потребностей.

Мои воспоминанія о слабыхъ сторонахъ института почти всѣ относятся главнѣйше къ первымъ двумъ годамъ моего въ немъ пребыванія, когда прежняго его директора Краузе не стало, новый не былъ назначенъ, и во главѣ его стоялъ инспекторъ Владиміръ Константиновичъ Ржевскій, соединяя въ своихъ рукахъ власть и директора, и инспектора. Такъ, между прочимъ, припоминая нашего учителя ариѳметики въ I классѣ Сахарова, я не могу теперь надивиться, какъ можно было держать такого учителя въ такомъ образцовомъ учебномъ заведе-

ніи, какъ Московскій дворянскій институтъ, достойный наслѣдникъ такого славнаго училища, какимъ былъ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Сахаровъ наводилъ страхъ и ужасъ на всѣхъ воспитанниковъ. Предъ его урокомъ, задолго до его прихода, всѣ чинно сидѣли по мѣстамъ, ни слова не говоря между собою и едва переводя духъ, а когда по корридору начиналъ слышаться его зловѣщій кашель, возвѣщавшій его приближеніе, по всему классу пробѣгала дрожь, и мы съ трепетомъ повторяли про себя „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, и умири душу болящаго раба Твоего Николая“, какъ насъ научилъ нашъ добрѣйшій отецъ діаконъ, преподававшій намъ въ I классѣ священную исторію Ветхаго Завѣта. Достаточно было одного взгляда на Николая Яковлевича Сахарова, чтобы видѣть, что онъ былъ въ злой чахоткѣ. Когда онъ входилъ въ классъ, мы всѣ чувствовали себя совсѣмъ подавленными и въ какомъ-то совершенномъ оцѣпненіи. Что и какъ могли мы отвѣчать въ такомъ состояніи, какъ рѣшать у доски предлагавшіяся имъ задачи и какъ понимать его объясненія? А между тѣмъ всякій неудачный отвѣтъ выводилъ его изъ себя: онъ начиналъ кричать, топтать ногами и даже драться линейкой и затѣмъ кашлять безъ конца и харкать кровью, какъ говорили, въ большой платокъ, который онъ носилъ съ собою. Это была истинная мука, и эта мука длилась безъ малаго полтора часа по три раза въ недѣлю, не считая всего того страха, какой мы испытывали, ожидая его прихода въ классъ. Такъ длилось мѣсяца два; наконецъ, несчастный Сахаровъ настолько вышелъ изъ себя, что пустилъ чернильницей въ вызваннаго имъ ученика Ляскевича, который въ страхъ бормоталъ предъ нимъ что-то безсвязное и непонятное: чернильница пролетѣла надъ головою ученика, но онъ весь былъ облитъ чернилами такъ же, какъ и часть пола. Урокъ этотъ окончился, и мы по счастью болѣе уже не видали у себя въ классѣ нашего больного учителя: онъ былъ замѣненъ добрѣйшимъ Саханскимъ, который былъ впоследствии помощникомъ инспектора студентовъ. Съ нимъ дѣло пошло на ладъ, и мы убѣдились, что ариѳметика вовсе не такой ужасный предметъ, какимъ онъ намъ казался при Сахаровѣ.

Другой учитель очень крутой, котораго мы боялись, но который далеко не наводилъ на насъ такого оцѣпняющаго ужаса, это былъ старикъ Мессъ, учитель латинскаго языка, сильно ругавшійся по-латыни. Самая обычная его брань, съ которою онъ обращался къ не угодившему ему ученику, была

ресус самрі — (полевая скотина). По-русски онъ говорилъ и зналъ очень плохо, но латинскую этимологию мы затверживали у него очень исправно, и всѣ необходимыя грамматическія упражненія велъ онъ съ нами очень энергически и живо, заставляя насъ также заучивать въ большомъ числѣ такъ называемые *loci memoriales* (заслуживающія запоминанія мѣста или изреченія). Лишнихъ словъ онъ съ нами не тратилъ, ограничиваясь бранью *ресус самрі*, а затѣмъ подходилъ къ скамейкѣ, бралъ книгу или тетрадь провинившагося чѣмъ-нибудь ученика и бросалъ ее на полъ: это значило, что надобно было на томъ мѣстѣ стать на колѣни. Я этого въ началѣ не зналъ, поднялъ свою книгу и сѣлъ на мѣсто. Тогда Мессъ схватилъ меня за руку, вывелъ на средину и шваркнулъ меня на полъ на колѣни.

Большимъ драчуномъ въ этомъ же родѣ былъ и надзиратель IV класса Шпангенбергъ, который училъ насъ географіи на нѣмецкомъ языкѣ во II классѣ. О немъ у насъ шла молва, что онъ былъ отставнымъ майоромъ прусской службы и будто бы большая часть его жалованья шла въ уплату штрафовъ за побои, которые онъ, ненавидя русскихъ солдатъ, наносилъ служившимъ въ институтѣ унтеръ-офицерамъ, нерѣдко украшеннымъ орденами и солдатскимъ Георгіемъ.

Надобно впрочемъ правду сказать, что не легко было съ нами управляться нашимъ учителямъ и особенно надзирателямъ. Со всѣхъ концовъ Россіи, большею частью изъ деревень, наѣзжали въ институтъ за немногими исключеніями мало воспитанные, нерѣдко испорченные и зараженные міазмами крѣпостного быта мальчуганы, хотя и принадлежавшіе къ дворянскимъ, болѣе или менѣе достаточнымъ, семействамъ. Приучить ихъ къ порядку, къ дисциплинѣ и сдѣлать изъ нихъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей было дѣло очень не легкое. Меня поражали на первыхъ порахъ всѣ тѣ мерзости, которыя другъ другу рассказывали эти мальчишки, и всѣ тѣ скверныя слова, которыя они знали и повторяли и которыми они переругивались между собою. Миѣ впервые пришлось все это слышать въ институтѣ и очень многое не понимать изъ этихъ словъ и рассказовъ, и я съ перваго же раза почувствовалъ ко всѣмъ разговорамъ этого рода величайшее отвращеніе и всегда ихъ избѣгалъ, никогда не произносилъ всѣхъ этихъ скверныхъ словъ, но мало-по-малу невольно узнавалъ ихъ значеніе. Особенно поразило меня одно скверное прозвище, которымъ клеймили нѣкоторыхъ учениковъ младшихъ классовъ. Я обратился къ брату Василю съ разспросами и узналъ отъ него истинные

ужасы, о которыхъ и не подозрѣвалъ прежде и которые, увы!.. не чужды были и нашему интернату. Но ужаснѣе всего было то, что ученики въ этихъ мерзостяхъ не только заподозрѣвали, но прямо обвиняли инспектора, исполнявшаго въ то же время обязанности директора, и съ этимъ гнуснымъ порокомъ приводили въ связь то, что онъ почти ежедневно съкъ множество учениковъ, при чемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ будто бы приводили къ нему на квартиру, и онъ самъ собственноручно наказывалъ ихъ розгами. Процедура эта была въ высшей степени возмутительная: имена тѣхъ, которые были обречены на порку, провозглашалъ самъ Ржевскій въ столовой передъ учениками всего института предъ началомъ молитвы, которую мы пѣли всѣ вмѣстѣ передъ ужиномъ, и названные ученики должны были одинъ за другимъ идти къ черному столу; затѣмъ мы пѣли: „Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ“, и Ржевскій еще долго прогуливался взадъ и впередъ по срединѣ столовой, томя ожиданьемъ наказанія вызванныхъ имъ учениковъ, и незадолго до конца ужина вводилъ ихъ наверхъ въ дортуаръ, и тамъ начиналась жестокая расправа. Возмущенное состояніе нашего духа не рѣдко сказывалось тѣмъ, что мы не пѣли молитву, а просто кричали ее. Разъ какъ-то Ржевскій остановилъ такое наше пѣніе и заставилъ насъ начать съ начала; крикъ нашъ еще болѣе усилился и, сколько онъ ни бился, ничего не могъ достигнуть и поспѣшилъ уйти изъ столовой и увести съ собою напередъ намѣченныя имъ жертвы. Послѣ того торжественныхъ вызововъ въ столовой до пѣнія молитвы не бывало, и ученики по приказанію инспектора высылались надзирателями изъ рекреационной залы въ корридоръ, прежде чѣмъ остальные отправлялись ужинать. Наказаніе было жестокое, особенно когда экзекуцію производилъ старшій урядникъ съ длиннымъ краснымъ носомъ Кочуринъ. Очень многіе изъ учениковъ сами удостовѣрялись въ жестокости ранъ, нанесенныхъ несчастнымъ ихъ товарищамъ, Кочурину же, когда онъ проходилъ мимо насъ или мы мимо него, кричали: „живодеръ“. То же прозвище сопутствовало иногда и удалявшемуся изъ столовой или изъ класса Ржевскому. По правиламъ, которыя были намъ извѣстны, нельзя было наказывать розгами учениковъ старшаго отдѣленія, начиная съ IV класса; но Ржевскій этимъ не стѣснялся и не щадилъ никого. Наконецъ, мѣра терпѣнія учениковъ переполнилась, и однажды, когда я былъ во II классѣ, помнится, незадолго до великаго поста 1841 г., разразилась катастрофа. Какъ и вѣмъ она была подготовлена, я не знаю; но когда мы

были въ дортуарѣ и уже раздѣлись, кто-то изъ учениковъ пробѣжалъ по нашему дортуару съ очень внятнымъ шепотомъ: „Тушить ночники, кричать изо всей мочи, бить въ ладоши, стучать табуретами“, и тотчасъ же по всей линіи дортуаровъ ночники были погашены, и начался невообразимый шумъ и гамъ. Ржевскій въ это время прохаживался по корридору вдоль дортуаровъ и тотчасъ вошелъ въ дортуаръ съ рѣзкимъ крикомъ: „Молчать, перестать“; но затѣмъ его не было уже слышно. Рассказывали на другой день, что онъ былъ сильно избитъ старшими учениками и дѣйствительно, когда на другой день еще передъ утренними уроками пріѣхалъ къ намъ попечитель округа гр. С. Г. Строгоновъ, Ржевскаго съ нимъ не было. Насъ всѣхъ собрали въ громадный рекреационный залъ младшаго отдѣленія. Вошелъ гр. Строгоновъ и громкимъ голосомъ закричалъ: „На колѣни“. Мы всѣ малыши младшихъ трехъ классовъ стали на колѣни, но старшее отдѣленіе осталось на ногахъ, и никакія угрозы всѣхъ отдать въ солдаты или въ кантонисты не подѣйствовали. Какъ рассказывали впоследствии, старшіе ученики умоляли графа Строгонова только ихъ выслушать, прибавляя, что стать на колѣни значило бы признать себя виновными и что въ данномъ случаѣ вся вина падаетъ исключительно на самого В. К. Ржевскаго и что невозможно было долѣе выносить все то, что онъ себѣ позволялъ.

Графъ приказалъ выбрать по одному ученику отъ cadaго изъ трехъ старшихъ классовъ и, приказавъ намъ встать, удалился съ выбранными въ пріемную комнату передъ заломъ. Бесѣда его съ выборными была довольно продолжительна. Когда онъ вернулся снова въ залъ, онъ держалъ къ намъ рѣчь, сильно укоряя насъ въ самоуправствѣ, въ насиліи, въ безчинствѣ и указывая, что если мы имѣли какія-либо основательныя причины жаловаться на нашего инспектора, управлявшаго институтомъ, то должны были обратиться къ нему, попечителю, сами или чрезъ посредство нашихъ родителей, что въ наказаніе мы останемся безъ отпуска домой въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, что онъ поручаетъ каждому классу выбрать нѣсколько учениковъ изъ лучшихъ по одному на каждый десятокъ и что эти ученики будутъ отвѣчать ему за сохраненіе всѣми порядка и должны заботиться о добромъ поведеніи всѣхъ и cadaго и разумныя просьбы и желанія класса доводить чрезъ надзирателей до свѣдѣнія начальства. Ржевскаго мы больше уже не видали, а управленіе институтомъ было временно возложено на одного изъ надзирателей старшаго класса Сыровяткина, а дру-

гой надзиратель Сартори изъ нѣмцевъ исполнялъ обязанности инспектора. Съ увольненіемъ Ржевскаго атмосфера разомъ очистилась, розги были несравненно менѣе въ ходу, и даже за плохое ученіе ученики не оставлялись безъ отпуска домой; съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли и тавлинка, и принужденіе не говорить между собою по-русски. Мы не имѣли болѣе причинъ на что-либо жаловаться, никакихъ безпорядковъ болѣе не было, и выборнымъ ученикамъ не было никакого дѣла. Вскорѣ съ насъ было снято наложенное наказаніе, и насъ снова стали отпускать домой въ воскресенье и праздничные дни.

Для меня лично это время было временемъ различныхъ невзгодъ. Въ нашемъ классѣ заболѣлъ французъ надзиратель М-г S-t Marc, и временнымъ замѣстителемъ его былъ назначенъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ VI класса баронъ Артуръ фонъ-Моренгеймъ, бывшій впоследствии посломъ въ Парижѣ. Онъ являлся къ намъ дежурить во время репетицій съ своими книгами и тетрадями, располагался за столомъ на возвышеніи, гдѣ сидѣли обыкновенно надзиратели и учителя, или же, опершись однимъ локтемъ на переднюю скамейку и нѣсколько согнувшись въ эту сторону, стоялъ, читая свою книжку. Однажды, когда онъ во время репетиціи въ такой позѣ стоялъ спиной ко мнѣ, нелегкая меня взяла вспрыгнуть къ нему на шею, скрестить ноги на его груди, руками ухватиться за его шею и изобразить изъ себя лихого всадника. Начался, конечно, общій хохотъ, и такъ какъ я очень крѣпко и ногами, и руками держался за нашего юнаго надзирателя, то онъ не могъ отъ меня освободиться и понесъ меня на себѣ въ ближайшій классъ къ надзирателю. Хохотъ еще болѣе усилился: пришелъ надзиратель, снялъ меня и поставилъ на полъ и тотчасъ же отвелъ меня къ инспектору: тогда былъ еще Ржевскій. Послѣдній сейчасъ же повелъ меня сѣчь наверхъ въ дортуаръ, и я струсилъ порядкомъ тѣмъ болѣе, что дежурнымъ урядникомъ былъ Кочуринъ, который не замедлилъ явиться съ здоровеннымъ пучкомъ розогъ. Я принялся просить прощенія и въ свое извиненіе могъ сказать только, что я и самъ не знаю, какъ это со мной случилось, — и это была суцая правда, — что я объ этомъ очень сожалею, что я очень люблю и уважаю барона Моренгейма. Ржевскій простилъ меня, сказавъ, что Моренгеймъ самъ очень просилъ меня простить и чтобы я шелъ къ нему въ классъ и при всѣхъ извинился передъ нимъ, что я очень охотно исполнилъ. Но Кочуринъ я все-таки не избѣгъ въ этомъ году и скорѣе попался ему въ

руки. Это было уже послѣ паденія Ржевскаго во время такъ-сказать междуначалія. Сосѣдомъ моимъ по классу почему-то очутился въ это время одинъ изъ лѣнивѣйшихъ и невыносимѣйшихъ учениковъ, много меня старше и сильнѣе, нѣкто Аполлонъ Малово, который самъ не учился и всячески мѣшалъ мнѣ не только готовить уроки, но и отвѣчать ихъ учителю, а спрашивали насъ обыкновенно, оставляя на мѣстѣ за своею скамейкой. Это было причиной, что я сталъ учиться гораздо хуже и привозилъ домой по воскресеньямъ и въ праздники очень плохенькія отмѣтки. Мама этимъ очень огорчалась, а отецъ подтрунивалъ надо мною, и это такъ оскорбляло мое самолюбіе, что я рѣшился нарочно дурно вести себя и получать единицы за поведеніе съ тѣмъ, чтобы меня не пускали домой. Такъ это и случилось на 5-й недѣлѣ поста; но на бѣду единицы за поведеніе продолжали сыпаться на меня уже безъ всякаго старанія съ моей стороны и на 6-й недѣлѣ. А тутъ еще вышелъ такой случай. Нашъ многоуважаемый законоучитель Иванъ Николаевичъ Рождественскій спрашивалъ у меня урокъ изъ священной исторіи Новаго Завѣта, и я, хорошо приготовившись, началъ отвѣчать ему какъ нельзя лучше; но Малово съ своей стороны всячески мѣшалъ мнѣ отвѣчать, щипалъ меня, сбивалъ, подсказывая всякій вздоръ, и я, выйдя изъ себя, схватилъ лежавшую предо мною линейку и принялся его колотить изо всей мочи. Что ты, что съ тобой?.. Какъ ты смѣлъ! Пошелъ вонъ изъ класса! — такъ выразилъ свое изумленіе и свой гнѣвъ батюшка, и я, уходя изъ класса, успѣлъ только сказать: „онъ мнѣ все время мѣшалъ отвѣчать вамъ и постоянно мѣшаетъ мнѣ учиться“. Это было въ день роспуска учениковъ младшаго отдѣленія на Страстную и Святую, и отецъ мой самъ пріѣхалъ за нами. Тотчасъ же ему были сообщены всѣ мои провинности и что меня могутъ отпустить домой не иначе, какъ по наказаніи розгами. Отецъ согласился на это. У насъ считалось за особый подвигъ воздерживаться при этомъ отъ всякихъ криковъ и воплей, и старшіе ученики, какъ Ефимовъ и Мевесъ, уснѣвали въ этомъ, какъ я самъ былъ тому свидѣтелемъ, когда они подвергались жестокой экзекуціи въ корридорѣ предъ нашимъ дортуаромъ, когда насъ уже привели спать. Но я вынесъ безъ крика не болѣе 4-хъ ударовъ и затѣмъ принялся вопить изо всей мочи. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что надобно было все время про себя читать какую-либо молитву и что этимъ была бы въ значительной мѣрѣ ослаблена боль, было бы отвлечено отъ нея вни-

маніе, и можно было бы вынести ее безъ крика. Этимъ свѣдѣніемъ въ послѣдствіи я пользовался, когда мнѣ рвали зубы и при другихъ кратковременныхъ болѣзненныхъ врачебныхъ операціяхъ, и дѣйствительно чувство боли значительно этимъ притуплялось и дѣло обходилось безъ всякаго стона. Понесенное мною наказаніе я считалъ большою несправедливостью и былъ ею очень огорченъ и по возможности ни съ кѣмъ не говорилъ ни въ этотъ день по пріѣздѣ домой, ни въ слѣдующіе два дня, отвѣчая только коротко на вопросы, когда это было необходимо, и уходилъ подальше отъ другихъ въ садъ: тамъ садился на скамью на верху ледяной горы, и очень тужилъ о томъ, что должно быть меня за что-то никто не любитъ. Это унылое подавленное настроеніе духа мало-по-малу миновало, когда мы начали говѣть. Но въ сущности я былъ виноватъ. Вина моя заключалась въ излишнемъ самолюбіи и обидчивости и въ глупомъ рѣшеніи клинъ клиномъ выбивать и умышленно-дурнымъ поведеніемъ какъ бы загладить невольное плохое ученіе и не являться къ родителямъ съ плохими отмѣтками за ученіе, какъ будто объ этомъ они не были бы извѣщены начальствомъ института; отдѣлаться же отъ Малово, главнаго виновника моихъ злключеній, едва-ли было возможно иначе, какъ тѣмъ способомъ, къ которому я прибѣгъ въ пылу раздраженія, безъ всякаго предварительнаго замысла, ибо жаловаться на него начальству и просить, чтобы насъ разсадили, значило бы совсѣмъ погубить себя въ глазахъ товарищей; по этой же причинѣ я не жаловался на него ни отцу, который, конечно, обратился бы къ начальству, ни даже брату Василю, вмѣшательство котораго также не могло бы укрыться отъ начальства. Начальство, это былъ одинъ лагерь, а ученики другой, совершенно отчужденный отъ перваго и враждебный ему. Само начальство или, лучше сказать, сами классные надзиратели и учителя должны были бы разслѣдовать, какимъ образомъ и почему одинъ изъ лучшихъ учениковъ класса вдругъ сталъ плохо учиться и затѣмъ плохо вести себя; но, очевидно, никто этимъ не интересовался. Обратиться ко всему классу и передъ нимъ во всеуслышаніе обличить негодное поведеніе Малово нельзя было какъ потому, что такое ораторствованіе передъ классомъ не было тогда въ ходу у насъ и едва-ли могло бы имѣть успѣхъ предъ такими малышами, такъ и потому, что такое обращеніе было бы равносильно жалобѣ начальству. При сплоченности учениковъ между собою и при отчужденіи ихъ отъ своихъ наставниковъ и начальниковъ

отдѣльнымъ ученикамъ особенно въ интернатахъ не легко отдѣлываться отъ приставаній и преслѣдованій негодныхъ товарищей.

Впоследствии, когда мы стали постарше и болѣе созрѣли въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи, а главное когда у насъ было начальство, внушавшее намъ большее къ себѣ уваженіе и довѣріе, мы и сами заботились объ очищеніи нашей среды и въ этихъ видахъ обращались съ просьбою къ начальству. Такъ, въ бытность мою въ III классѣ, къ намъ былъ привезенъ въ одну изъ субботъ Миклашевскій, очень красивый и въ очень красивой курточкѣ съ вызолоченными пуговицами. На другой же день курточка эта была найдена вся попорченная, безъ пуговицъ, которыя были вырѣзаны изъ нея ножомъ и неизвѣстно куда пропали. Поступокъ этотъ возмутилъ столько же нашихъ дядекъ изъ заслуженныхъ и вполне надежныхъ, испытанной честности, унтеръ-офицеровъ и нашихъ надзирателей, сколько и насъ самихъ, ибо къ мальчику должна была тотчасъ же пріѣхать къ обѣднѣ его мать и узнать, какіе водятся между нами негодяи. Къ довершенію всего намъ было объявлено, что насъ не отпустятъ домой, пока не будетъ розысканъ виновникъ. Этимъ чуть не было все испорчено; сейчасъ же нашлись между нами такіе, которые начали говорить, что не слѣдуетъ поддаваться угрозамъ, что надобно дружно стоять за товарища, хотя въ этомъ случаѣ и нельзя его одобрить, и должно потерпѣть всѣ невзгоды, но не выдавать. Я не былъ этого мнѣнія и полагалъ, что это долженъ быть очень дрянной товарищъ, коли, сдѣлавъ несомнѣнную гадость, онъ прячется самъ за весь классъ и изъ трусости предпочитаетъ, чтобы за его вину терпѣлъ не онъ самъ, а его невинные товарищи. Мое мнѣніе возобладало, такъ какъ многимъ хотѣлось ѣхать домой, и вскорѣ оказалось, что нѣкоторые видѣли, какъ Усовъ отрѣзалъ пуговицы отъ курточки Миклашевскаго изъ какой-то непонятной злобы и потомъ выбросилъ ихъ въ ватерклозетъ. Тогда мы начали уговаривать его самого сознаться въ своей винѣ передъ начальствомъ, чѣмъ несомнѣнно будетъ уменьшена и мѣра его розысканія; но онъ никакъ не соглашался. Тогда я объявилъ, что мы пойдѣмъ и скажемъ все надзирателю. Говорить пришлось мнѣ, и на меня пало главнымъ образомъ все неудовольствіе Усова и его сторонниковъ, что я и не замедлилъ испытать на себѣ по возвращеніи на другой день изъ дому: самъ Усовъ меня не трогалъ, но отъ сторонниковъ его, большею частью

возрастныхъ, начало мнѣ сильно доставаться, такъ что я обратился къ помощи старшаго брата Василя, бывшаго въ то время ученикомъ VI класса, и онъ при всей своей силѣ и ловкости насилу справился съ однимъ изъ нихъ — Шатиловымъ.

Послѣдній вскорѣ испыталъ на самомъ себѣ, что Усовъ вовсе не стоилъ такой его привязанности. Такъ какъ оба они были наиболѣе возрастные и сильные изъ нашего класса, то мы ихъ уговорили помѣриться силою и побороться между собою. Боролись они очень долго и съ большимъ упорствомъ: дѣло было весною и на дворѣ во время рекреаціи, и Шатиловъ наконецъ поборолъ Усова при дружныхъ восклицаніяхъ съ нашей стороны. Каково же было наше изумленіе и потомъ негодованіе, когда вслѣдъ затѣмъ Шатиловъ, вскрикнувъ, свалился съ ногъ, сраженный въ голову большимъ камнемъ, пущеннымъ въ него Усовымъ, не могъ самъ подняться съ земли, и былъ уже нами и дядьками поднятъ и отнесенъ въ больницу. Тотчасъ же мы отправили депутацію къ инспектору Ронцевичу съ просьбою, чтобы Усовъ за проявленную имъ необыкновенную злость былъ наказанъ розгами, что и было исполнено: это, конечно, одинъ изъ наиболѣе подходящихъ случаевъ для такого наказанія.

Сообщ. Левъ Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

